

Наше училище – это моё «сакральное» место, моё «место силы», моя родная алма-матер. Меня сюда приняли. Хрупкую, наивную малолетку с Чаадаевки приняли в большую, шумную и чарующую компанию необыкновенных людей, театральное братство. Здесь мне открыли волшебный мир, впустили в него, позволили быть здесь.

Память живо воспроизводит мелкие детали: училищный дворик... Суета... Волнение... Списки...

– А кто набирает?

– Богомазов...

– Да какая разница?

«В сущности... Я просто хочу быть актрисой...» – малолетка ещё не знает, что «просто» ничего не бывает.

«Бо-го-ма-зов... Какая фамилия...»

Вот он. Прямо Бог. Сверлит глазами. Суровый. Бородатый. Ужас, идёт ко мне! Берёт за руку... А вот и не страшно. Заплакала на Маяковском – лошадь-то жалко. А ему, наверное, меня...»

Первый курс: «Мама, представляешь, у меня защипало глаза от воображаемого лука, представляешь!? Это же вол-шеб-ство!»

«Мама, – размазывая до ушей слёзы, – он сказал, что Наташенька у нас самая ма-аа-аа-ленькая...»

«Мамочка, я ненавижу эти зачины, этюды эти – ненавижу! Зачем мне эти трости?»

Второй курс: «Я что, так и буду всю жизнь играть этих Машенок, Верочек, Лизонек, Настенок?!» – «Да, Наталья, так и будете. До 30-ти. А потом перейдёте на роли комических старух».

Третий курс: «Наталья, покиньте зал, смотрит на меня своими лупками...»

«Лукеичева. Пять. «Звезда» (не разговаривал со мной...) – «Василий Фёдорович, за что вы так?» – «Ну, я больше не буду...»

Четвёртый курс: «Сегодня мы вручаем дипломы...»

Он не смог говорить. Встал и замолчал. Все замерли. Мы раскрыли рты.

Нам было трудно. Трудно было отрываться от этих людей, как маленькому ребёнку бывает трудно и страшно оторваться от матери перед первым днём школы, но как же было трудно ему – мы были первые!

Тогда, наверное, я впервые почувствовала, что всё самое главное в моей жизни уже произошло. Теперь, спустя 20 лет, я совершенно точно могу сказать, что это так. А потом... Потом – невероятно – он пел с нами «Мурку» за шашлыками!

Мы были «богомазовцы», особенные... Все эти тренинги, номера, лекции, дисциплина, французский, бард-опера ещё. Ну и, конечно, Он. Он был сложный. С тех пор мне интересны только сложные люди. В них всё самое важное – смысл, глубина, талант. По-другому мне не надо, мне неинтересно. Он сделал из нас всех что-то очень хорошее. В нас было вложено столько, чтобы хватило до конца. Нам бережно, как что-то очень хрупкое, передавали Профессию, чтобы не пользоваться ею, а служить ей. Мы не боимся высоких слов, они для нас обычные. Только Искусство, только ещё выше. А зачем тогда всё это? Не стоит... Не стоит размениваться.

И это всё во мне. И всё это держит меня на плаву, составляет мою основу, не даёт изменять себе, торговать собой. Для меня это невозможно. Вбито. Намертво. Залито цементом. И я могу только бесконечно благодарить судьбу за эту мою школу. Я её получила из прекрасных рук.

13 лет, как мы осиротели. Мне до сих пор его не хватает. Как бы здорово было сейчас с ним поговорить...

3 ноября и 26 марта – мои памятные даты.

Василий Фёдорович, СПАСИБО ЗА ВСЁ.

Вы навсегда в моём сердце.

2018. Апрель
